

ВСЕГДА РАДУЙТЕСЬ

Непрестанно молитесь. За все благодарите: *ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе (1 Фес. 5, 16-18)*

Празднование в честь иконы Божией Матери «Иверская»

Знаете ли вы, братья мои, что одним из очень больших бедствий нашей жизни является отсутствие в ней сторожбы, охраны? Вы сознаете, каким несчастьем для нас является беспечная жизнь «нараспашку», «на авось», «как обернется, так и хорошо»?

Вы понимаете, конечно, что я говорю о жизни в целом, а не об её материальной, имущественной стороне. В этой жизни, имущественной, люди куда как осмотрительны, догадливы, осторожны и заботливы. Они без конца изнуряются, чтобы обеспечить сохранность своих вещей. Тут всякие замки и запоры, и постоянный свет, и тревожная сигнализация, и бдительная охрана, и постоянное контроле, и, главное, неустанная забота, чтобы все предусмотреть, все охранить, все обеспечить.

Нет, не об этой жизни я говорю — здесь порядок, а об охране жизни в целом. Тут картина будет другая и противоположная. Как только вы отойдете от запертых ящиков и сундуков, взгляните на то, что больше и значительнее их. Как только подойдете к поведению человека в целом и от надоедливой оберегания вещей обратитесь к богатству, от которого зависит все счастье жизни, так ужаснетесь человеческому неразумию: все без призора, свалено в кучи хаоса и все настезь.

Это не преувеличение. Вглядитесь в жизнь сами!

Центр, определяющий нашу жизнь, — это душа. Скажите все по совести: этот ценнейший центральный аппарат, регулирующий жизнь, в заботе, в охране? В величайшей бережливости, как бы его не испортить, как бы ему не повредить? Ведь его порча сейчас же отразится на жизни. Да ничуть не бывало! О чем меньше всего заботы, так об этом драгоценном, но невидимом аппарате жизни. Забота о нем, как о прошлогоднем снеге...

Не оправдывайтесь тем, что душа ничем не напоминает о себе и поэтому легко и простительно иной раз и забыть о ней. Да, душа не напоминает о себе, но в этом виноваты мы сами, и только мы. Не вы ли прогнали напоминателя, чтобы он не беспокоил вас? В винограднике ваших душ была сторожевая башня и был сторож, который обращался к вам. Об этом позаботился Отец Небесный: Он насадил виноградник, и обнес оградой... и построил башню (Мк. 12:1). Башня со сторожем — это совесть. Слушают люди её? Не повалена ли башня? Не расчитан ли сторож?

Нет охраны, нет сторожбы! Упала и разорена ограда! Открыт, оголен со всех сторон сад души. Приходи, кто хочет, распоряжайся, хозяйничай.

Вот картина обнажения жизни: двери открыты, сторожа нет. Ветер случайных влияний свободно гуляет по саду души и выносит из него последние ценности. Что может крепнуть на сквозняке? А душа живет на таком сквозняке... Она стала как улица, как площадь, как проходной двор. И не то чтобы в ней уже не осталось ничего дорогого. Нет, там, может быть, и есть ещё жемчуга, но почему рано или поздно ветру не вынести и их? Когда в мешке есть хотя бы одна малая дыра, из него все растеряешь. Как же хотите вы удержать ценности души, когда она раскрыта отовсюду!

К настезь открытой душе не то чтобы осторожно подползает «прилог», как святые подвижники называют начальный возбудитель смятения души, а свободно врываются в нее бешеные страсти, эти болезни души, и делают все, что хотят. Душа вместо хозяина жизни стала рабыней жизни. И все потому, что нет охраны, нет сторожа — одна беспечность жизни.

Я знаю, что многие не согласятся со сказанным и будут лепетать: «Как же так, как же так... Мы руководим, у нас есть разум, мы изучаем, мы направляем жизнь. Мы не беспечны». Жалостное прикрытие нищеты! Лучше знать неприятную правду, чтобы скорее отойти от пустоты, чем убаюкивать себя фальшивыми словами.

Да, мы умничаем и копошимся в хороших теориях и громоздимся что-то устроить по своему вкусу и росту, а в это время чувства и воля человека упорно бредут своей дорогой и бессмысленно кидают человека из стороны в сторону по своему капризу. Человеческого умничанья хватает только лишь на кружение в пустоте. Душа же по-прежнему не защищена, и сторожа нет, так как силы её в разброде. Душа стала кораблем, с которого ушел капитан и на котором поломан управляющий руль. И она стала хозяйством, которое бросил руководитель.

Каков же выход? Конечно, поднять башню. Восстановить ограду. Но это — долгое, мучительное дело, нужен упорный труд, мало того — нужен подвиг. И нужна великая терпеливость, на месяцы, на годы. Терпеливость на долгие годы скучных, тяжелейших усилий борьбы над собой. А помощь нужна сейчас, немедленно!

Возьмите охрану со стороны; возьмите в помощь Ту, Которая от века предызбрана служить людской охране и людскому спасению. Ту, Которая через тайну Воплощения уже начала Свое служение. Ту, Кому при Кресте поручены все ученики Христа, как дети поручаются их матери, — Пречистую Богородицу.

Можно ли забыть о Ней? Забыть о Ней, когда в служении людскому спасению Она, «в молитвах неусыпающая», «день и ночь молится о нас», простирая к Сыну носившие Его руки! Можно ли забыть о Ней? Особенно нам, имеющим своей святыней Иверский образ Пречистой Богородицы, который мы чтим, с любовью поклоняясь и целуя. По этому образу Пречистая именуется и чтится как Вратарница, как неусыпный страж, как охраняющая входы. Первообраз этой святой иконы был водружен у врат обители, посвященной Богородице, и Пречистая называлась Вратарницей, буквально — Привратницей почитающих Её и стерегомых Ею.

Как же нам забыть об этом? Приняв святыню, чтимую ныне, святыню — дивную копию первообраза, полученную с его родины — Афона, поставили её на стогнах своего града. Как же нам забыть то, что неусыпный страж уже есть? Он призван, он на посту. Его и зовите. Пусть хранимы будут не только стогны града, пусть

Аже если мы пришли в храм, это еще не значит, что мы достигли своего спасения. Апостол Павел говорит: «Мы спасены в надежде». Да, надежда есть для каждого из нас, как бы он ни был грешен, какие бы преступления ни совершил. Потому что раз Господь нас призвал, значит, Он все-таки надеется, что мы перестанем врать, что мы перестанем блудить, упиваться вином, друг другу делать гадости; перестанем вести тот образ жизни, выращивать те волчцы и тернии, которые мы до сих пор взращивали, и будем выращивать плоды духовные. Он все-таки надеется, Он нам дал этот шанс, Он нас сюда впустил. А теперь все зависит от нас. Потому что отвержение Христа не всегда связано с тем, ходит человек в храм или не ходит. Можно ходить в храм и быть отвергнутым от Бога, и этому миллион свидетельств. Недаром Иоанн Златоуст говорил: «Никого не боюсь, только епископов». И он же говорил, что среди священников мало спасающихся, потому что хотя и предполагается, что священники знают больше, чем люди из простого народа, - но знать об истине еще не значит принадлежать ей, не значит жить так, как предписывает Бог.

И для каждого из нас есть возможность этого отторжения от Истины. Да, ты пришел в церковь, причастился, на душе у тебя очень тепло, хорошо, батюшка по головке погладил, проповедь рассказал, все очень интересненько, и люди вокруг все прекрасные, воспитанные, интеллигентные, все очень культурно. Но это не есть христианство. Христианство начинается тогда, когда тебя бьют по правой щеке, а ты подставляешь левую. Вот только в этом акте начинается христианство, когда есть духовный плод, когда человек на пути ко греху в собственном сердце ставит препятствие - свою волю - и ни за что не хочет грешить. Хотя грех своей властной рукой манит его к себе, человек говорит: нет, ради Христа я от тебя отказываюсь, я не хочу, хоть ты мне и сладок, а я не буду. Поэтому наша жизнь в этом смысле очень трудна, она требует постоянного усилия, постоянного труда. И конечно, если бы не благодать Божия, которая нам помогает, мы никогда бы ничего не смогли, потому что если и есть в нас какое доброе движение, то это все от Бога и Им Самим создано.

Протоиерей Димитрий Смирнов

молитва Пречистой охранит ваши дома и ваши семьи.

Приблизьте же к себе Богородицу, Которая для того и пришла к вам! Не только к домам и семьям, к своим душам и жизням приблизьте Её. Пусть охранит их от всякого зла, в котором запуталась и гибнет душа.

Вот надежный сторож и незамеченный покров, вот тихое убежище от бурь греха и поддержка уставших,

обездоленных, израненных грехами, больных, боримых: это молитва Пречистой. Молитва Богородицы — как ласка Матери всего мира.

Отдайтесь Ей, и отдайтесь всем порывом, потому что душа обнажена, её сокровища расхищены, и нет у нее своих сил оборониться и подняться. Отдайтесь Ей и в слезах молитесь Её: «Посети мою немощь и душу мою, разоренную мою душу, помилуй, Благая, помилуй» (из тропаря Иверскому образу).

Так призывайте Её каждый час во всех случаях сторожбы души и жизни. Её помощью поднимайте поверженную башню — совесть, чтобы оберечь душу от врага. Стройте ограждение души на столбах исполнения Христова закона! Стройте ограду, чтобы охранить неповрежденность и чистоту сада от вреда и грязи со стороны!

Когда вы почувствуете, что восстанавливается виноградник вашей опустошенной души, не только не отпустите Ту, Которая помогла вам в самые горькие дни вашей жизни, а в слезах радости, любви, почитания вы прочно, на века, водрузите Её уж не на стогнах, а в самом цветнике своей расцветающей души, потому что в вас загорится вера и желание, чтобы Она, создавшая ваше душевное ограждение, повела бы теперь вас в другую светлейшую ограду, в чертоги Небесного Сына.

Тогда разве вы умолкнете звать Её? Не со всей ли силой любви, желанья, молитвы, стремления полетит из вашего сердца сладкая песнь хвалы, которая и ныне звучит в ваших устах: «Радуйся, Вратарнице, врата райские нам отверзающая». Аминь.

Священномученик Григорий (Лебедев)

Церковь и люди

Где-то, я знаю, есть батюшка, есть храм... Ну и славно, что есть. Если мне будет нужно — я туда пойду и решу свои проблемы; не дай Бог, конечно, чтобы они появились. Ну и... всё. А чего еще собственно надо?»

Вот так или примерно так относится сегодня абсолютное большинство крещеных людей к Церкви, не понимая, что Церковь — это не здание только, не священник и даже не службы, совершаемые в храме, а люди, сами люди, стремящиеся достичь единства с Богом во Христе и без этого единства не мыслящие свою жизнь. Но этого осознания,

острого и ясного желания быть с Богом нам не хватает сейчас просто критически в масштабах Отечества, слава Богу, именующего еще себя православным. Именно это осознание, его возрождение — это то, о чем нам, людям, понимающим необходимость благовествования, надо думать сейчас в первую очередь. А храмы... их, конечно, надо строить, но горько, что это делается не всем миром православным, но сообща, как это должно быть, а малой группой энтузиастов и еще более малым количеством состоятельных людей, именуемых спонсорами и на которых идет настоящая охота, потому что без их помощи строительство храмов большинству приходо-в попросту не осилить.

Но, с другой стороны, в наше время и само строительство храмов становится своеобразной формой благовест-

ствования, проповедью в камне. Священник с кучкой прихожан и с великой надежной на Божию милость пытается, более или менее успешно, продвигать это дело строительства и по ходу его продвижения всё больше людей втягивается в орбиту церковной жизни. И как же хочется, чтобы люди поскорее «приходили в себя» после столетнего безбожного обморока, чтобы начинали уже считать церковную жизнь и своей, личной жизнью. Но как же медленно, как же трудно это пробуждение происходит! Ведь абсолютное большинство крещеных и мыслящих себя православными людей всё еще считает Церковь каким-то хоть и важным, но всё же дополнением к жизни, а вовсе не тем, на чем эту жизнь надлежит строить, без чего она никак не может быть ни доброй, ни надежной, ни крепкой.

Этого понимания нет – в том масштабе и охвате, чтобы мы могли со спокойной совестью сказать: а вы знаете, воцерковление народа нашего действительно идет уже полным ходом... Можно будет, я верю, сказать эти слова, но – в будущем, близость или отдаленность которого во многом зависит от нас самих. А пока Церковь отделена не только от государства (что, конечно, хорошо), но и от действительной, повседневной жизни миллионов крещеных людей, а это весьма при-

скорбно.

Что тут можно поделать? Вопрос не простой, потому что множество наших соотечественников увязло в нелепом и странном, но устойчивом мнении, что Церковь – это вспомогательный институт для земной, благополучной и счастливой жизни. Больше того, часто люди и обманываются, и разочаровываются жестоко, ожидая в каких-то критических обстоятельствах от Церкви решения своих проблем, причем решения именно такого, каким оно видится правильным самим людям, попавшим в то или иное затруднение. А решение видится отнюдь не в изменении своей жизни, зачастую далекой даже от минимальных требований христианской нравственности, а в достижении того самого среднестатистического благополучия, которое не слишком сверяет себя с образом жизни христианским. И не слишком озабочено исканием Царства Небесного.

Так что главная задача проповеди сейчас – это раскрытие той истины, что жизнь, ее полнота и развитие напрямую зависят от согласия человека с Богом. И это согласие – первое, на что христианину нужно обращать внимание и в достижении чего сама Церковь служит человеку первым и добротным помощником. Ибо она для этого и сотворена Господом.

А всё остальное: работа, карьера, деньги, дом, семья, благосостояние – хоть и не отвергается церковным сознанием и требует внимания и повседневного труда, ответственности, но не может само по себе быть основанием для действительного благополучия в значении не только плотском, но и духовном. Потому что такое благополучие неизбежно предполагает кроме внешнего комфорта еще и глубокий душевный мир, основанием которого может служить только осмысленное существование в вечности. И без этого не обойтись. Ведь если человек не осознает себя живущим в вечности уже здесь и сейчас, если он не соизмеряет свои поступки, слова и мысли с Откровением Божиим, то все его хлопоты и труды – лишь бегство от самого себя, от правды, способ достичь забвения там, где в конечном итоге всё равно должно наступить прозрение. И чем более упорны и ожесточенны будут эти попытки убежать, спрятаться от истины своего вечного бытия... от неизбежности предстать перед Богом... чем более настырны будут эти попытки, тем на большую катастрофу и мучения обрекает себя человек именно потому, что рано или поздно ему придется предстать перед явью, о которой он смутно догадывался всю свою жизнь, о которой ему напоминали непрестанно – но от которой он отмахивался, которой не хотел

Эхо человеческой жизни.

Папа с сыном пошли однажды на горы. Сын, ударившись о камень, непроизвольно крикнул:

— А-а-а-а-а!

И с удивлением слышит:

— А-а-а-а-а!

Мальчик спросил:

— Кто ты?

А ему в ответ:

— Кто ты?

Разозлившись от такого ответа, мальчик кричит:

— Трус!

А ему в ответ:

— Трус!

Мальчик спрашивает у отца:

— Что происходит?

Отец улыбнулся и говорит:

— Слушай меня внимательно, — и кричит горе: — Я тебя уважаю!

Ему в ответ:

— Я тебя уважаю!

— Будь счастлив!

Ему отвечают:

— Будь счастлив!

Мальчик оставался в удивлении, и потом папа ему объяснил:

— Это явление называют «эхо» но, по правде, это называется жизнь... Она тебе всегда отдаёт всё, что ты говоришь и делаешь.

признавать и от которой прятался за бесконечной суетой и житейскими хлопотами.

Страшный это будет момент, и главная горечь его будет заключаться в том, что человек, без лишних и ненужных тогда разъяснений, со всей обезоруживающей очевидностью, поймет, как он жестоко ошибся, полагая главным в своей жизни ее земное, житейское устройство, пусть даже по «старым добрым понятиям», но по понятиям, не берущим в расчет главного – вечности жизни человека перед лицом всемогущего Бога.

Вот это осознание и есть то главное, что дай нам Бог приобрести и усвоить всем и каждому, потому что только тогда наша жизнь – жизнь отдельного человека и жизнь Отечества и народа в целом – начнет меняться и становиться иной, по-настоящему лучшей. Потому что радость жизни в согласии с Богом как в масштабе личности, так и в масштабе народа совершенно невозможно понять и оценить гипотетически. Эта радость – действительная и многообразная – возможна только тогда, когда человек или народ будет сознательно к этой радости, к этой красоте стремиться.

Верится, что эта жизнь, особенная, иная в контексте всеобщего мирового

Питча о счастье и семье

Муж с женой прожили вместе тридцать лет. В день тридцатилетия совместной жизни жена, как обычно, испекла небольшой хлебец — она пекла его каждое утро. За завтраком она разрезала хлеб вдоль, намазала обе половинки маслом и, как обычно, собралась передать мужу верхнюю часть. Но на полпути рука ее остановилась...

Она подумала: «В день нашего тридцатилетия я хочу сама съесть верхнюю часть хлеба. Я мечтала об этом тридцать лет и заслужила верхнюю половинку: была примерной женой, вырастила прекрасных сыновей, содержала в полном порядке дом».

И она передала мужу нижнюю часть хлеба. Такого она никогда не позволяла себе за все тридцать лет совместной жизни.

А муж взял хлеб и сказал с улыбкой:

Какой неоценимый подарок ты сделала мне сегодня! Я с детства люблю нижнюю, поджаристую часть хлеба. Но всегда считал, что она по праву принадлежит тебе.

растления, при всех неизбежных недостатках и пороках и горестях всё же возможна для нас. И верится, что будет эта жизнь удивительна и совершенно не похожа на всё, что сейчас может предложить обезверившийся мир во всём его мнимом, но в сущности таком скудном и скучном разнообразии. Мы надеемся, что жизнь эта, особенная, благодатная, осуществится в нашем Отечестве милостью Божией. Потому что жизнь народная – не одного отдельного человека или группы людей, а именно жизнь народа во всей его полноте – только тогда становится цельной и несет в себе явственные благодатные и характерные черты, когда большинство или по крайней мере какое-то необходимо критически важное число его членов начинает жить этой особенной, ни с чем не сравнимой вечной жизнью в сознательном устремлении к Богу. И эта жизнь – не одного или двух человек, но многих людей – привлекает благодать, которая, если можно так сказать, оживотворяет, созидает и окрашивает жизнь всего народа в особенные, благоуханные, духовные и радостные тона... Вот этого ищет душа православная, этого ждет, к этому стремится, потому что не о своем спасении только заботится, но и желает вместе с Господом спасения и просвещения всех, а паче своих соотечественников – по необъяснимому, может быть,

до конца, но очевидному Промыслу собранных Господом в единый народ.

Странная на первый взгляд пришла мысль, но, может быть, она недалека от истины. Эта мысль – о том, что при всей важности сознательной и созидательной, практической деятельности на ниве возрождения нашей всеобщей церковности, важную и даже, может, важнейшую роль играет необходимость переживания, искреннего и живого, боления, если угодно, об этой целостности, об этом единстве во Христе. И это переживание, боление не только о своей душе, но и о своем народе, горение духа, устремленное к Богу, есть не что иное, как безмолвная молитва о своем Отечестве. Молитва, проистекающая от желания единства в подлинной радости.

И пусть при всех необходимых житейских хлопотах и трудах, на всех перепутьях жизни никогда не оставляет нас это благое горение – желание святого единства во Христе. И тогда, так хочется верить, храмы наши станут не островками благочестия среди безжизненной смрадной пустыни, а добрыми мельницами посреди колосющихся полей благодатной и спелой пшеницы.

Священник Димитрий Шишкин

Удобные неудобства

Что мешает человеку идти ко спасению? А что - помогает? Размышляет игумен Нектарий (Морозов)

Жизнь то и дело сводит, сталкивает с такими же, как и ты, странниками, бредущими к вечности. Иногда – бодрыми, сильными, радостными, точно вовсе не ощущающими утомления от долгого, трудного пути. Но чаще – порядком изнемогшими, грустноликими, унывающими и даже совсем упадающими духом. И стоит заговорить, попытаться утешить, поддержать, как тотчас прольется на тебя поток жалоб и воздыханий, горьких, скорбных. Тех самых, которыми, возможно, и ты сам не прочь был бы поделиться с кем-то.

На что обычно жалуются люди, на что сетуют? На схожие, в общем то, вещи. На материальные трудности, телесные неудобия, непонимание окружающих, на несовпадение желаемого и действительного. Но есть одна собственно наша, «православная» жалоба, звучащая на разные лады и в разных вариантах. Суть ее такова: неудобно спасаться.

Что значит «неудобно»? - Обстоятельства неблагоприятные, времени мало, сил нет. Так примерно. И это - совершенно всерьез.

От этого предаются православные люди печали, доходят до изнеможения, отчаяния. Заходят в тупик и не знают, как из него выйти: жизнь не дает спасаться! Работа мешает процессу спасения, власти - местные и федеральные, - коммунальная сфера, дети, муж, жена, родители...

Работа отнимает все силы, там из тебя все соки тянут, там искушения, там корпоративы в пост, начальник-матерщинник, все разговоры вокруг только о материальном. И сплетни, и пересуды, и склоки. Власть - такая, что как ее не осуждать, как не ругать? Как вспомнишь о ней, так и согрешишь, какое уж тут спасение. И коммунальщики - точно сговорились терпение испытывать: по горячей воды нет, то холодную наоборот отключили, зла никакого не хватает, мира, кротости в душе как не бывало. А уж семья... Не считаешь, не помолишься, к исповеди, Причастию не подготовишься, все суета, каждый

внимания, участия требует... Как спастись-то?!

И снова повторю: все это - всерьез. Не всегда столь рельефно, столь всеобъемлюще, столь гротескно, но в существе своем - сплошь и рядом.

Так что даже напоминать приходится о вещах более чем очевидных, но очевидным же образом не понимаемых. Кому напоминать? Себе, разумеется, в первую очередь.

Откуда это странное убеждение - будто для спасения необходимы какие-то условия? Словно речь о бизнесе идет, или об организации производства, или о тренинговой программе. И откуда мысль, будто спасаемся мы сами? Спасает нас Господь. Не только на Голгофе, но и в течение всей нашей жизни.

И главное средство спасения - эта жизнь и есть. Со всем тем, чем она наполнена, с ее крестами и крестиками, как и сама она, по сути, для того, кто за Христом решился-таки идти, крест есть. А «неудобное» в ней как раз и есть то, через что мы можем приблизиться к Нему или отдалиться от Него, то есть - не что-то случайное, но, напротив, самое наисущественнейшее.

Нам нет нужды что-то придумывать, изобретать: все уже придумано и изобретено. Точнее - дано и дается по сердцу нашему (см. Пс. 19, 5), по устройению, по наличному состоянию его. Дается Тем, кто его - сердце - «наедине сотворил» (ср.: Пс. 32, 15) и потому один и знает, что в нем. И что действительно нужно нам. И этим нужным нас в необходимой мере снабжает, со всех сторон окружает, напитывает.

Нужным - читай неудобным. И что тут странного, чудного? «Никто не восходил на небо, живя прохладно», - свидетельствует всем нам богомудрый авва Исаак. Неудобство требует труда, смирения, терпения, мужества, верности - или, короче, всего того, без стяжания чего христианина попросту нет. Одно сменяется другим - зачастую еще более неудобным. Это и значит - «восходить от силы в силу» (ср.: Пс. 83, 7), от преодоления очередного к преодолению следующему.

...Дай только Бог именно так к неудобствам и относиться. Потому что тогда жить и спасаться на самом деле - удобно.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ! ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ИСПОЛЬЗУЙТЕ ЭТУ ГАЗЕТУ В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЦЕЛЯХ.

ЕСЛИ ОНА СТАЛА НЕ НУЖНА, ОТДАЙТЕ ЕЕ ДРУГИМ ЛЮДЯМ ИЛИ ПРИНЕСИТЕ В ХРАМ.

Печатный орган прихода храма «Преподобных Зосимы, Савватия и Германа Соловецких». Тираж 200.

Настоятель прихода священник Алексей Суханов (тел. 8 904 410 8101). Распространяется бесплатно.

www.hram-v-kotlubani.ru